Сказать, что я был «просто напуган» или «слегка растерян», значит просто испортить воздух абсолютно не отражающей ситуацию наглой ложью. Представьте на секунду, что вы приходите домой после тяжёлого рабочего дня, жена еще не вернулась, и вы, похрюкивая от похоти, предвкушаете возможность позабавиться. Предположим также, что вы — человек, которому обычные способы релаксации уже не способны помочь, и вы, чтобы расслабиться, надеваете её кружевную комбинацию, облизываясь и жмурясь от удовольствия, когда бюстгальтер охватывает по-женски чувствительную грудь, а узкие трусики пеленают дрожащий от возбуждения член. Вы хотите, чтобы сочащаяся из пениса смазка тщательно пропитала материю. Это необходимо, чтобы усилить осознание своей мерзости, которое делает удовольствие несравненно острее, и подтёки собственных выделений на нижнем белье женщины, от которой у вас двое ненавидящих вас детей и не выплаченный кредит за загородный домик у озера, делают это ощущение максимально аутентичным. Вы направляетесь в туалет, где мастурбируете, отдаваясь в плен самых смелых фантазий, засунув трусики вашей благоверной супруги, щедро смоченные Водой Жизни, в свой, исходящий слюной вожделения рот.

И вот, в тот самый момент, когда жгучая волна возбуждения готова схлынуть в мраморное днище белоснежного биде, над которым вы склонились, представляя, как самозабвенно подмахиваете своему боссу, которому в тайне давно мечтаете признаться в любви, пока тот яростно вбивает свой стальной стержень в ваш покорно подставленный зад. Вдруг повсюду вокруг вспыхивают мощные прожекторы, направленные на вас, и раздается трубное «та-да!», от которого всё ваше естество складывается в гармошку. Вы превращаетесь в таракана, мечтающего только о том, чтобы забиться в какую-нибудь дыру потемней. Мечтаете, чтобы этого никогда не было. Мечтаете быть примерным семьянином, ждущим жену после работы, сидя в мягком кресле с газетой, а не стоя в туалете с её трусами во рту. Но все эти грезы проносятся мимо, а высоко наверху в вертолете, рубящем лопастями упругий воздух, стоит ваша жена, наполовину высунувшись из его стального брюха и зажав в руке громкоговоритель. Рядом с ней вы замечаете еще и кучу репортеров, направивших на вас объективы совсем не беспристрастных камер. И ваша жена кричит вам «извращенец!». И её голос, многократно усиленный, становится голосом разгневанной богини. Она кричит вам, пойманному в круге многоваттного света прожекторов «я всегда это знала!».

«Глядите на моего муженька, добрые жители города. Глядите на это грязное, похотливое животное и смотрите, чтобы в вашем супруге не проснулся подобный зверь. Ведь он без сомнения дремлет в каждом мужчине. В каждом порочном самце. Он ждет только удобного случая, чтобы прорваться сквозь тонкий слой напускной порядочности, которым тысячелетия цивилизации и воспитания покрыли его потное волосатое тело». Что ж, вы становитесь гвоздем программы на каком-нибудь феминистически настроенном канале, где современные амазонки хохочут вовсю над слабостью тщедушных мужичков и, если повезет, вас будут обмусоливать в эфире не больше месяца, а потом — развод и пинок под зад, отправляющий вас на обочину жизни, собирать пустые бутылки и вытирать задницу пакетами из «Макдональдса». Но это если повезет. А так можно навсегда заделаться домашним вылизывателем каблучков. Жены и многомиллионной армии её подруг, которым вас без сомнения будут сдавать в пользование. И вы кончине раздавленным чьей-нибудь туфелькой тараканом. Ах да, и не надейтесь даже на имитацию жалости от ваших отпрысков. За такой позор, в лучшем случае, вас будут пользовать вместо туалета во время несварения желудка. И самое ужасное, что чёртов кредит придётся выплачивать в одиночку! Со мной было, примерно то же самое. Я — на кровати сестры, онанирую, одевшись в женскую униформу, да к тому же трахаю себя в попку средним пальцем, закусив шелковый галстук на манер кляпа.

Безгранично растерянный и неспособный придумать хотя бы мало-мальски убедительное оправдание тому, без сомнения требующему совершеннейшей интимности занятию, за которым меня так неожиданно застали. Что, мол, я занимаюсь вовсе не грязным рукоблудием, удовлетворяя собственные фетишистские фантазии, а, скажем попросту, разнашиваю новенький костюмчик сестры, чтобы ей, любимой, нигде не давило. Так я её люблю. Почему же я тогда схватился за член так, будто он у меня сейчас отвалится? Ну, так я наоборот сжимаю его изо всех сил желая задушить то порочное желание, которое так свойственно всей жалкой мужской породе, заставляющее змею выползать из норы и жалить пречистых дочерей Евы. И действую исключительно из самых благих побуждений, не желая, чтобы ужасающая эрекция навевала безнравственные фантазии и омрачила бы достойное занятие любящего брата, желающего сестре только лучшего. А-то, как бы не случилось так, что старательно отутюженные складочки залило бы липкой и дурно пахнущей жижей. Потому то и пытаюсь перекрыть воздух и вернуть свой отросток в подобающее ему состояние, когда дело касается помощи родному человеку. Превратить обратно в маленькую безвредную висюльку то бишь. Почему у меня тогда палец в засунут в задницу? Ох… Ну и что из всего этого разнообразнейшего бреда я должен был озвучить после того, как моя сестренка, так некстати материализовавшаяся в дверном проеме, теперь стояла и сверлила меня глазами, выжидающе напоминая, что неплохо, знаете — ли, было бы и объясниться. Но я не в силах не то что рта раскрыть, но даже рук отнять от тех мест, куда их поместил.

Так и лежу, раскорячив ноги и держась за пенис. А Эрика всё стояла, молча растянув губы в улыбке, которая, однако, не давала даже малейшего намёка на то, что через пару секунд она скажет что все, мол, в порядке мой маленький братец, у всех свои тараканы в голове, но я люблю тебя несмотря ни на что. И мы бы обнялись, утопая в родственных чувствах и даже чуть-чуть прослезившись, она бы, так и быть, разрешила мне, пусть не часто, но всё-таки раз от разу «использовать» её новенькую униформу. Ничего этого она не сказала, а еще долго буравила меня взглядом, и, лишь когда молчание стало попросту невыносимым, произнесла, слегка кивнув своей прекрасной и скорой на изощренные выдумки головкой: — Так я и знала. В её голосе я услышал столько презрения к своей падшей натуре, что если бы слова имели хоть какой-то вес, я был бы мигом раздавлен под грузом подобного замечания. Что же ты могла знать, сестренка? О тех страстях, которые раздирали мою душу и толкали на подобные сатисфакции, грозя разрастись от неудовлетворения, приняв ещё более чудовищные формы. Что ты могла знать об этом? Ты безупречная белокурая бестия, всегда и во всём первая, какие порочные желания бередят твою душу? Знаете, лучше бы это осталось для меня загадкой. — Черт возьми, — усмехается моя разоблачительница, — у такого грязного маленького ничтожества просто обязаны были быть маленькие грязные мыслишки, которые ты только и мечтал воплотить в жизнь! И вуаля! Ты лежишь здесь, у меня в комнате, на моей кровати, и дрочишь свой вонючий отросток в моей новой униформе! Я, конечно, могла многое подумать на твой счёт, но до такого убожества никогда бы не опустилась.

http://tl.rulate.ru/book/890/20315